

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Матвей КУРИЛКИН

**БУДНИ
ИМПЕРСКОЙ
СТРАЖИ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

К93

Серия «Современный фантастический боевик»

Выпуск 114

Оформление обложки *Виталия Аникина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Курилкин, Матвей Геннадьевич

К93 Будни имперской стражи: роман / Матвей Курилкин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 352 с. — (Современный фантастический боевик).

ISBN 978-5-17-102333-1

Пытаясь скрыться от многочисленных врагов и жаждущих крови родственников, Сарх из народа сидов оказывается в Темной Империи — стране, рассказами о которой во всем мире пугают детей. Удивительно, но все оказывается не так страшно. Сарха принимают вполне радушно, ему даже удается устроиться в стражу. Казалось бы, жизнь наконец налаживается. Вот только работа стражника не располагает к спокойной жизни. Расследуя очередное преступление, новоявленный стражник оказывается втянут в интриги аристократии. Неприятная ситуация, но что поделать? Иногда для того, чтобы хорошо выполнять свою работу и сохранить спокойствие в стране, которая тебя приютила, приходится заниматься неприятными вещами.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-102333-1

© Матвей Курилкин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть 1

Глава 1

Вся эта беготня с каторжной тюрьмой началась буднично. И поначалу даже было совсем непонятно, что это дело как-то с ней связано. Просто кто-то из купцов, во время одной из стоянок отлучившийся в кусты, нашел там «клад» — свеженький труп донельзя изможденного человека в форме имперского солдата. В двух днях пути от столицы. Так как признаков насильственной смерти на теле при осмотре купцы не заметили, они просто добавили еще один тюк к своей поклаже и, по прибытии в столицу, сдали тело в военную канцелярию. Дескать, сами разбирайтесь, почему у вас военные от голодадохнут. Может, это дезертир.

В военной канцелярии насторожились сразу — уж слишком удивительно, что какой-то солдат умудрился умереть от голода и истощения так близко от столицы — если он сбежал из столичного гарнизона, то рано ему еще от голода погибаться, а если из какого-то другого — то возле столицы ему уж никак делать нечего. К тому же в канцелярию за последние несколько месяцев не приходили отчеты о побегах — да и глупо бежать сейчас, когда никаких войн не ведется и военные только и развлекаются, что периодическими учени-

ями. Не бегут в такое время из армии. Потому военные сами разбираться с проблемой не стали, а направили дело к нам — в столичную стражу. Столичная стража в том виде, в котором она есть сейчас — это нововведение. Раньше, конечно, тоже было такое учреждение, но занималось оно просто патрулированием улиц и было чем-то вроде филиала той же военной канцелярии. Нынешняя же стража не имеет аналогов в остальном мире. Сейчас мы занимаемся не только предотвращением преступлений, но и по мере сил стараемся найти виновных в уже сотворенных гадостях. Конечно, чаще всего это не интереснее кражи рыбы на рынке или побоев, нанесенных пьяным мужем своей сварливой жене, но иногда попадаются и по-настоящему интересные и запутанные случаи. Тот, о котором я рассказываю — один из них.

Этим утром шеф возвращался с совещания у начальства недовольным. Он всегда возвращается оттуда недовольным — просто потому, что его начальник, или, если точнее, начальница — предмет его мечтаний. У орков, вообще-то, патриархат, и шефу довольно трудно перенести тот факт, что его возлюбленная еще и его начальница. Это оскорбляет самолюбие и, как следствие, делает его несчастным. Мало того, что он не может, как это у них принято, просто и без изысков подойти к возлюбленной и сказать что-то вроде: «Сегодня ночуешь у меня. И завтра тоже. Иди, готовь плов!», так ему еще приходится выполнять ее приказы, и вообще быть паинькой. Так вот, в то утро шеф как всегда после совещания был мрачен. Только в этот раз он, похоже, был еще чем-то здорово озадачен.

— Вот же дерьмо. Представляешь, стажер, — это он мне. Я — стажер, уже три месяца. — На нас опять какую-то

дрянь повесили. Ты умный и сейчас будешь думать, что делать. Тока подожди, не начинай, я сначала расскажу, в чем дело.

И он поведал примерно то же, что я рассказал выше, только в чуть более крепких выражениях. На самом деле, думать, что нам с этим делать, пока было рано. Для начала нужно распорядиться, чтобы тело отправили на осмотр нашему штатному патологоанатому, осмотреть место преступления и еще раз разослать запросы во все возможные места приписки почившего. С первым и последним пунктом я справился быстро — за три месяца я здорово научился справляться с бюрократической волокитой, шеф скинул на меня все бумажки сразу, как только я попал к нему в напарники. Он это объяснил тем, что мне нужно учиться не только опасных преступников ловить, но и с бумажками справляться, хотя и ежу понятно, что просто самому шефу эта канитель уже давно обрыдла и он рад, что теперь появился кто-то, на кого можно с чистой совестью скинуть эту неприятную обязанность.

Осмотр места нахождения трупа тоже не занял много времени, мы с начальником задумчиво побродили по пятаку, заботливо вытоптанному старательными купцами. Думаю, они хотели облегчить нам жизнь и найти какие-то следы, но, конечно, только их затаптали. По крайней мере, теперь было совершенно непонятно, откуда шел покойный и куда он направлялся. Впрочем, подозреваю, что в кустах он оказался не потому, что с неба упал, а потому, что идти стало совсем не вмоготу (не удивительно, в таком-то состоянии) и он решил отползти с дороги куда-нибудь, чтобы умереть спокойно, в тишине на лоне природы.

Так что, несолоно хлебавши, мы вернулись в столицу, а на следующий день стали приходить первые новости. Понятно, что ни в одном из гарнизонов никто не пропал — это до нас проверили сами военные. Понятно, что военную форму покойный на себя не сам надел — в Империи запрещено выдавать себя за военного, это карается очень жестоко. Я не так давно здесь обосновался и потому не слишком силен в здешних законах, но про это уже знаю — присвоение чужой военной формы, а также ее имитация карается каторгой. Причем как присвоившему, так и тому, кто эту форму ему отдал, если отдавший не сообщил сразу о потере. Естественно, ни один портной, ни за какие деньги не станет делать даже что-то отдаленно похожее на мундир — если только его не заказали официальные лица.

В общем, никто ниоткуда не пропал, все тихо и мирно. Надо сказать, это меня здорово расстроило, потому что означало, что либо мы не там ищем, либо от нас что-то скрывают. И если первое — это еще не страшно, то второе чем-то сродни вселенской катастрофе. Не потому, что в Империи служебное преступление — это такая уж редкость, а потому, что теперь мне пришлось искать ошибку в многочисленных отчетах из самых разных концов империи. На время поиска несоответствий шеф освободил меня от всех других дел. Чтобы, значит, ничто не отвлекало бедного стажера от вдумчивого разглядывания пары сотен листов с цифрами и пояснениями.

Сам шеф тем временем попытался проверить вторую версию, которая заключалась в том, что кто-то все-таки решил самостоятельно, без разрешения пошить себе стандартную имперскую солдатскую форму. Однако эта версия с самого начала не была особо правдоподобной

и окончательно развалилась уже на следующий день. Когда утром я с понурым видом возвращался на свое рабочее место после ночи, проведенной в компании этих же дурацких отчетов, шеф уже встречал меня. Довольно оскалившись, сообщил, что нашел портного, который шил эту одежду, и даже больше того, портной рассказал, когда именно в его мастерской шили вот ту партию мундиров, к которой принадлежит этот самый, снятый с неизвестного бедняги. Я немедленно просиял вместе с шефом — зная время, в которое он пошит, нетрудно выяснить, куда ушла эта партия, что, в свою очередь, здорово сужает область наших поисков. К вечеру мы совместными усилиями вытрясли из работников военной канцелярии, куда же уходило обмундирование в период с марта по май прошлого года. Таких мест оказалось всего три — пограничная крепость на самом юге, каторга в сухом море и, собственно, столичный гарнизон. На этом я пока и решил остановиться — прошлую ночь я толком не спал, и рассматривать документы вторую ночь подряд меня совершенно не тянуло. Я, насколько мог уверенно, объяснил шефу, что спешка еще никому не помогала. А также, что сонный и усталый сотрудник во много раз менее эффективен, чем бодрый и веселый. Правда, шефу утром предстояло отчитаться перед начальством о полученных в ходе расследования результатах, и он считал, что эти результаты должны быть как можно более весомыми в глазах нежно любимой начальницы, поэтому убедить старшего товарища было сложно. Все-таки кое-как отбредавшись, я отправился домой.

Конечно, называть это место своим домом, наверное, глупо, но если честно — здесь мне лучше, чем в любом из тех мест, где доводилось жить раньше. Ни дольмен,

где я родился и прожил большую часть жизни, ни, тем более, казарма в одном из человеческих государств не были «моими». В роскошных палатах моей матушки, прекрасных и утонченных, было здорово, но я все время чувствовал себя там одиноким и ненужным, в том числе и от того, что не мог даже сам решить, какими коврами будет застелена моя комната и какие картины будут висеть на ее стенах. Мое же нынешнее обиталище, хоть и не полностью моя собственность — я снимаю небольшой дом, но все же находится в моем распоряжении, так что здесь я делаю то, что мне нравится. Правда, если быть честным, здесь всего один ковер и ни одной картины на стенах. Зато на стене гордо висит мой меч, с которым я умею неплохо обращаться, несмотря на то, что это оружие и не характерно для сидов. А рядом с ним — гитара. Это, конечно, не тот великолепный инструмент, который остался в родном дольмене — когда я бежал, мне было не до сантиментов, и брал я только самое необходимое. Тем не менее, когда-то я неплохо играл и не раз потом жалел, что у меня нет «шестиструнной подруги». Так что первое, что я сделал, получив жалованье, — это купил приличный инструмент в одной из многочисленных музыкальных лавок. А купив, обнаружил, что долгое отсутствие практики здорово уменьшило мои музыкальные таланты. Впрочем, я и не стремлюсь к всемирной известности, ни как бард, ни в каком-то другом качестве, да и вообще не склонен к публичным выступлениям, а для меня лично моей игры вполне достаточно. На самом деле, попытка обосноваться в одном из королевств людей стоила мне многих потерь, и потеря профессионализма в игре на гитаре, пожалуй, отнюдь не самая важная из них.

Так уж получилось, что в человеческих государствах я не ужилась. С тех пор, как я бежал из дома, мне пришлось хорошенько послоняться по миру. И моя последняя остановка как раз и привела к окончательному пониманию того факта, что с людьми я не уживусь. За полгода до того, как я попал в Империю и нашел, наконец, то занятие, которое меня в нынешних обстоятельствах устраивает, я был наемником. В человеческих государствах инородцев готовы принимать только в качестве мяса для разделки в наемных армиях. Я никогда не стремился стать воином, но мне повезло, что на родине меня обучали не только наукам, но и ратному делу — никем, кроме наемника, я в королевстве людей быть не мог, выбирать мне особо не приходилось. Другое дело, что наемника из меня все равно не получилось. Я неплохо умею драться, активно использую многие из не слишком честных, по мнению остальных рас, приемов сидов, но ведь работа наемника заключается не только в этом, правда? Нет, поначалу все шло даже хорошо. В землях людей постоянно идет война — они грызутся не только между собой, частенько случаются перевороты внутри отдельных государств. Так что наемники никогда не сидят без дела. Неудивительно, что я быстро выбился в сотники — по сравнению с многими из тех бывших крестьян или разбойников, которые от безысходности идут в солдаты удачи, я еще хорошо выглядел. Дело в том, что я не только худо-бедно умею лишать противника жизни, я еще знаю кое-какие основы военной науки, и даже неплохо разбираюсь в тактике.

В конечном итоге, эти-то познания и сослужили мне дурную службу. Я понимаю, что иногда лучше не показывать свои знания там, где не надо, но не всегда могу следовать своим же советам. В результате я стал заме-

тен — а в человеческих государствах нельзя быть заметным, особенно, если ты не человек. Впрочем, инородцев не терпят нигде — думаю, попади человек к тем же эльфам или оркам, с ним бы тоже не церемонились. Я уж не говорю про моих бывших родичей — сидов. Представить себе человека, живущего в дольмене, просто смешно. К тому же мне приходилось постоянно скрывать тот факт, что я безбожник. Люди ненавидят тех, кто не находится под защитой кого-то из богов, хуже они относятся только к тем, кто выбрал покровительство бога смерти. В этом смысле Империя — рай, для таких неприкаянных, как я, тех, кому нельзя появляться у себя на родине. Да и, если честно, не только для них. Именно поэтому, правящие верхушки большинства стран с такой охотой поддерживают и распространяют все эти истории про Империю, которыми матери устрашают маленьких детей и которые выдумываются в самой Империи. И именно поэтому, поняв, что больше нигде мне скрыться не удастся, я отправился в паучью сеть. Тогда я верил всем этим нелепым слухам, и решение двинуться сюда принял просто от отчаянья, вполне понимая, что, возможно, я выбираю нечто еще более ужасное, чем смерть на костре. Хотя никакой другой информации, кроме слухов во внешнем мире, нет, так что неудивительно, что мне было страшно. Удивительно, скорее, что я все-таки решился на такой шаг.

Должен сказать, что, несмотря на общее стремление жителей Империи максимально ограничить поток эмигрантов, к тем, кто все-таки решился на такую радикальную перемену места жительства, здесь относятся хорошо. Пожалуй, даже очень хорошо. Видимо, считается, что раз уж ты достаточно смел и дерзок, и хитер, для того, чтобы пробраться через границу, ты заслуживаешь того,

чтобы тебе дали еще один шанс. Не могу сказать, что власти ни разу не пожалели о такой своей политике, но процент случаев с положительным исходом все-таки немного превышает процент случаев с отрицательным. Положительным исходом я полагаю такой, в котором иммигранту удалось как-то прижиться в империи. Думаю, таким, как я, позволено здесь селиться для того, чтобы основное население имело представление о том, что творится за границей. Сейчас все говорит, что мой случай как раз положительный, хотя в первое время я, конечно, в этом сомневался.

Как только я, должен сказать, с большим трудом обошел человеческие кордоны и еще с большим трудом пересек горы, меня немедленно отловили имперские пограничники. Возможно, к моменту, когда меня поймали, я был слишком измотан, но скорее дело в том, что работают здешние пограничники гораздо более качественно, чем их коллеги с другой стороны границы. Я вообще с тех пор, как поселился в империи, начинаю понимать, что совместная работа представителей разных рас обычно эффективнее, чем то же самое, выполненное представителями какой-то одной. И это утверждение относится не только к производству — всем известно, что наконечники для своих стрел эльфы закупают у гномов, а тетиву для луков делают находящиеся практически в полной от них зависимости хоббиты. Гораздо важнее, что повседневные дела, такие как охрана границ, расследование преступлений и даже служение богам, лучше выходит у смешанных команд. Так или иначе, но я оказался в учреждении, специально созданном для работы с выходцами из-за границы и для их адаптации. Первые несколько недель я мучился неизвестностью. И еще бы

не мучился — я был заперт в пускай комфортабельной, но все-таки вполне себе тюрьме. Официально это место называется изолятор для содержания нелегальных эмигрантов, и чуть ли не каждый день меня по несколько часов допрашивали совершенно разные существа о совершенно разных сторонах моей жизни и деятельности до того, как я попал к ним. Характер у меня, если честно, скрытный, да и многое из моего прошлого мне вспоминать не хочется — от хорошей жизни из родного дольмена не бегут и не оказываются безбожниками, но выложить пришлось все, причем со всеми подробностями, какие я только смог вспомнить. Кроме подробностей моей жизни из меня вытянули все, что я знаю о политической и экономической ситуации в окружающем мире, а также все, что я знаю о самой Империи. Подозреваю, что допрашивавшие здорово позабавились, слушая байки, которые я рассказывал им об их родной стране. Впрочем, не все из этих баек оказались совсем уж далеким от реальности бредом, а некоторые были даже близки к правде.

Но все проходит, и скоро мне выдали документы, в которых сказано, что я — гость страны, имеющий право со временем получить гражданство, и, исходя из моих знаний и способностей, определили на службу в столичной страже. К тому моменту я уже почти смирился с мыслью, что вся эта эпопея закончится задумчивым покачиванием моих бранных останков на виселице, и еще более задумчивым конвульсивным подергиванием ноги, так что новость я воспринял с большим, да что там говорить, просто невероятным облегчением и удивлением.

И впоследствии мне еще не раз приходилось удивляться. Вообще, я не очень понял, в чем заключается именно адаптация эмигрантов, потому что, выйдя из изо-

лятора о том месте, где я нахожусь, я знал не намного больше, чем до того, как туда попал. Сюрпризом для меня было все: и общественное устройство, и отношение к запрещенной везде черной магии, и прежде всего то, как легко здесь уживаются представители разных рас. Любой город из тех, в которых мне доводилось бывать, до того, как я попал в империю, мог похвастаться принадлежностью какому-то одному народу. Чаще всего, конечно, это были человеческие города — от родственников-то я скрывался в человеческих государствах. Ну и дольмены сидов я себе очень хорошо представляю. Так вот, в бытность мою наемником, я сполна хватил презрения и издевок, которое с удовольствием демонстрировали даже те, кому в принципе гордиться было нечем.

Возможно, несостоятельность как раз и есть объяснение такого отношения — если успешному разумному в общем-то наплевать, какой формы уши у собеседника, то таким вот неудачникам нужно гордиться хоть чем-то. Например, тем, что он человек, в отличие от презренной нелюди, которую можно облить помоями и тебе ничего за это не будет. То же самое встречается и у других народов, а уж мои родные сиды вообще считают всех инородцев «недосидами», даже разговаривать с которыми — бесчестье. А империю хоть и основали эльфы, но представители всех рас здесь имеют равные права и так перемешаны, что никому уже нет дела до того, к какому народу ты принадлежишь по рождению. В других местах такого равнодушия нет. Инородцы должны изо всех сил стараться быть незаметными, ибо стоит случиться какой-то гадости — виновных ищут прежде всего среди них. Нет, здесь, конечно тоже бывает так, что в каком-то городе больше, скажем, гномов, чем орков, людей, эльфов

и других разумных, но это значит только, что этот город появился возле каких-нибудь шахт или карьеров. И это вовсе не значит, что живущего там человека будут юридически бить, грабить или просто закидывать грязью. Аналогично, в деревнях обычно преобладают хоббиты — просто потому, что у хоббитов лучше всех получается заниматься фермерским хозяйством. Ну а в столице, так же как и в других торговых городах, вообще невозможно вычленить какую-то одну преобладающую расу. Хотя, конечно, случается всякое, и межрасовые стычки не исключение. Основная масса населения на такое смотрит снисходительно. А зачинщиков, как и участников, быстро отлавливают и довольно жестоко наказывают. Так что если недовольные таким космополитизмом и есть, они свое недовольство стараются не слишком афишировать.

Впрочем, к таким необычным нравам я быстро привык — так уж сложилась моя жизнь, что я давно перестал видеть в инородцах врагов. Да, и глупо всерьез думать о таких вещах тому, кого официально исключили из рода. Скорее мне стоит не любить моих бывших соплеменников — сидов, но и от этой блажи я уже тоже избавился. Ну, скажем так — почти избавился. Не сказать, чтобы я не любил сидов, просто я их немного побаиваюсь — уж очень хорошо они постарались, чтобы я не позорил своим существованием их «славный и великий» народ.

Поводов, чтобы поудивляться, нашлось еще достаточно, но у меня было для этого слишком мало времени. Как только я попал в управление, на меня сразу навалилось достаточно дел, чтобы не смотреть по сторонам, а с головой уйти в работу, и налаживание отношений с новыми сослуживцами. Что и проделывал с успехом до настоящего времени.